

БОРИС САДОВСКОЙ

I. СТИХОТВОРЕНИЯ. II. АВТОБИОГРАФИЯ

Публикация М. Д. Эльзона

I. СТИХОТВОРЕНИЯ

Среди русских писателей первой половины XX в. Борис Александрович Садовский (псевд. Садовской, 1881—1952) занимает особое место. Поэт-символист, прозаик, эссеист, литературный критик, в конце 1970-х он был разоблачен как литературный мистификатор. На его «счету» оказались «стихотворения А. А. Блока и С. А. Есенина, Н. А. Некрасова и С. М. Степняка-Кравчинского», «воспоминания» некоего Николая Ивановича Попова о Некрасове, Кравчинском, И. Н. Ульянове...¹ Крайне осторожно следует относиться и к безусловно заслуживающим внимания «Запискам (1881—1916)».²

Литературный дебют Б. А. Садовского состоялся 6 января 1901 г. в нижегородской газете «Волгарь», где (за подписью «Б. Сад-ской») появилось стихотворение почти 20-летнего гимназиста, за семь лет до этого исключенного из Дворянского Александровского института, где его однокашником был М. А. Цявловский. Этим дебютом было стихотворение «Иоанн Грозный». Подпись «Борис Сад-ской» впервые появилась в той же газете 21 февраля 1902 г., под программным (и юбилейным) стихотворением «Гоголь» («Тому полвека, как Россию...»). Летом того же года, уже студентом Московского университета, Б. А. Садовский вошел (благодаря В. Я. Брюсову) в круг символистов и примкнул к «Весам».

10 января 1904 г. он сообщал В. В. Розанову: «Писать начал с 9-ти лет. Писал довольно много, преимущественно стихи. *Всегда был религиозен и консервативен в смысле государственных и патриотических взглядов. Благодаря этому терпел немало неприятностей, особенно в гимназии.*»³

Двадцать лет спустя Б. А. Садовский вспоминал:

¹ См.: *Эльзон М. Д. Садовской (Садовский) Борис Александрович // Русские писатели. XX век: Биограф. словарь.* М., 1998. Т. 2. С. 304—305.

² *Садовской Б. Записки (1881—1916) // Российский архив.* М., 1991. Т. 1. С. 106—183 (публ. С. В. Шумихина).

³ Цит. по: *Садовской Борис.* Стихотворения. Рассказы в стихах. Пьесы / Изд. подгот. С. В. Шумихин. СПб., 2001. С. 349 (Нов. Б-ка поэта. Мал. сер.). Курсив мой. — М. Э.

«В конце октября 1900 года Нижний посетил великий князь Константин Константинович.⁴ Я решил поднести ему свои стихи. Тогда я начинал влюбляться в Фета и знал, что К. Р. носит его благословение. Я передал директору (Н. Я. Самойловичу. — М. Э.) тетрадь с четко переписанными стихотворениями. В заседании педагогического совета Е. И. Березков (словесник. — М. Э.) прочитал мои стихи и решено было допустить меня к представлению. 29 октября, в воскресенье утром, директор прислал за мной. Явившись, я получил подробные указания о форме одежды и к часу дня уже был в Кремле <...> Дождавшись в приемной окончания парадного завтрака, я очутился в малой гостиной <...> Земские деятели и педагоги по указанию губернатора (П. Ф. Унтербергера. — М. Э.) один за другим подносили Константину Константиновичу папки и брошюры. *Последним директор подвел меня. Великий князь взял мою голубую с золотом тетрадь и, подмигнув, спросил: „Ну, а хороший классик?“* Директор поспешно отвечал: „Желает быть хорошим, Ваше императорское высочество“. Увидя посвящение, августейший поэт заметил: „Теперь мне придется краснеть. Что, вы не родственник актеру Садовскому?“ — „Нет, Ваше императорское высочество“. Великий князь любезно наклонил голову: „Благодарю Вас“. Он подошел к губернаторше, низко присевшей перед ним в своем белом со шлейфом платье, пожал ей руку, сделал общий поклон и удалился. Отныне педагоги явно стали шадить меня; поэту сходило с рук многое, чего не простили бы гимназисту <...> В VIII класс меня перевели без экзамена, хотя перед представлением великому князю имел я в выводе за четверть четыре двойки и числился последним учеником».⁵

Явно мифологизированные воспоминания Б. А. Садовского хронологически точны. Естественно предположить, что автор располагал печатным источником — газетной вырезкой.

Действительно, «Нижегородские ведомости», «Нижегородский листок», «Волгарь» подробнее всего отразили пребывание К. Р. в Нижнем. Именно отсюда Б. Садовской позаимствовал и опущенную мною сцену, как кадеты несли на руках высочайшего инспектора, и (вероятно) его словесный портрет. Приведу сначала сообщение о событиях 29 октября 1900 г. «официоза»:

«По окончании завтрака (в губернаторском дворце. — М. Э.) великий князь изволил принимать печатные издания <...> Директор классической гимназии (Н. Я. Самойлович. — М. Э.) пре<по>днес его высочеству в двух папках стихи. В первой папке — 13 стихотворений ученика 7 класса Садовского, а во второй — стихотворение бывшего ученика гимназии Фиалковского, написанное им несколько лет тому назад по поводу Тулонских празднеств и озаглавленное „Ответ нашим друзьям“, и стихотворение ученика Вавина, озаглавленное „Памяти Пушкина“.⁶ Его императорское Высочество милостиво принимал поднесенные ему издания и благодарил лиц подносивших».⁷

Иначе о том же сообщил корреспондент «Волгаря»: «Директор классической гимназии Н. Я. Самойлович (удостоился чести поднести. — М. Э.) *сборник стихотворений* ученика VII кл. Садовского, *который находился здесь же и обратил на себя милостивое*

⁴ *Константин Константинович*, вел. кн. (1858—1915) — президент императорской Академии наук, поэт К. Р.

⁵ *Садовской Б.* Записки. С. 145.

⁶ Стихи Н. Вавина печатались в «Волгаре» (см. 26 января и 5 июля 1900 г.; также «Певцы», в прозе, 28 июня).

⁷ Вел. кн. Константин Константинович и его пребывание в Ниж.-Новгороде // Нижегород. ведомости. 1900. 1 нояб. С. 5. То же: Нижегород. листок. 1900. 30 окт.

внимание его высочества. Сборник стихотворений посвящен его высочеству».⁸ Все газеты сообщили, что К. Р. отбыл на следующий день, 30 октября.

Нетрудно предположить, что будущий автор сборника стихов «Позднее утро» (1909) явно рассчитывал на то, что К. Р. поспособствует изданию его «Стихотворений». Но то ли подвело количество («чертова дюжина»), то ли К. Р. не воспринял великовозрастного гимназиста как своего поэтического преемника и наследника А. А. Фета — во всяком случае, ожидания Бориса Садовского оказались тщетными, и два месяца спустя он дебютировал в местной газете. Почему не увидело свет стихотворное посвящение К. Р., — можно только гадать.

Публикуя «Записки» Б. А. Садовского, С. В. Шумихин не прокомментировал этот эпизод — явно не зная, что папка со стихами Б. А. Садовского находится в Пушкинском Доме (РО ИРЛИ, р. II, оп. 1, № 387; по сообщению Л. Н. Ивановой, поступила в Рукописный отдел Института литературы 17 января 1930 г. из отдела комплектования БАН).

На папке золотом вытеснено:

Стихотворения
Б. Садовского
ученика VII класса
Нижегородской гимназии

На первом листе надпись:

Стихотворения
Б. Садовского

На втором листе посвящение:

Его Императорскому Высочеству
Великому Князю
Константину Константиновичу

всепредаднейше посвящает
автор.

«Иоанн Грозный» занимает центральное место в сборнике. В течение 1901 г. Борис Садовской опубликовал в «Волгаре» еще пять стихотворений: «Фридрих Барбаросса» (22 апреля), «Вечером» (29 апреля), «В дороге» (21 июня), «На родине» (3 декабря), «Сонет» (30 декабря); все — с подписью «Б. Сад-ской».

Настоящая публикация представляет первый (рукописный) сборник стихов Бориса Садовского как некий литературный памятник.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
КОНСТАНТИНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ

Тому, чей голос благородный
По всей святой Руси гремит
И вдохновенно и свободно
Сердцам всех русских говорит,
Всю Русь от края и до края
Осыпав жемчугом стихов, —

⁸ Приезд в Н.-Новгород его высочества вел. кн. Константина Константиновича // Волгарь. 1900. 30 окт. С. 2.

Свой робкий стих я посвящаю
Певцу, избраннику богов...

Поэзии святые боги
В свои лазурные чертоги
Уже давно певца ввели
И незабвенным нарекли.
И в этот день, для нас священный,
Нас посетил родной поэт
И все мы шлем ему привет:
Да здравствует на много лет
Поэт великий, вдохновенный!

СЛАВА РУСИ

Рыбак из Холмогор, великий Ломоносов
Русь, деву юную, осыпал серебром.
Багрима мощный внук, Державин, бард Фелицы,
Алмазами ее и золотом одел.
Мечтательный певец, наперсник дев, Жуковский
В ткань златоцветную красавицу облек.
Пленительным вином и сладкими плодами
Беспечный Батюшков красотку одарил.
Улыбку ясную и разум вдохновенный
И веру твердую ей дивный Пушкин дал.
Бичом сверкающим, смеясь сквозь слезы, Гоголь
Ударил по сердцу красавицы младой,
И звоном жалобным своей печальной лиры
Впервые Лермонтов в тоску ее поверг.
Тургенев, Лев Толстой, Островский и Аксаков
Ей дали зеркало для будущих веков.
Грядущий светлый путь к величию и славе
Белинский, мощный вождь, ей смело указал.
Граф Алексей Толстой, Полонский, Фет и Майков
Лазурным жемчугом одели ей чело.
И, полная красы и силы величавой,
Смирненно шествует красавица вперед.

ПАМЯТИ ПУШКИНА

Когда по всей Руси от края и до края
Хвала тебе, великому, гремит,
И, подвиг твой чудесный поминая,
Могучий благовест гудит, —

Невольно гулу чудному я внемлю.
Слеза в очах — какое торжество!

Не въявь ли то спустилося на землю
Святых небес святое Божество?

И все слились в сердечном умиленьи
Перед тобой, волшебный чародей,
Кто так умел глаголом вдохновенным
Сжигать сердца дрожащие людей.

Святой огонь, подобно Прометею,
Не ты ль с высот заоблачных принес
И песней мир восторженный лелея
Нас в страны грез неведомых унес?..

Тебе хвалу воздать я не сумею,
Но не могу бесстрастно промолчать.
Да! Перед Русью я благоговеею:
Она сынам умеет воздавать!

Тебе хвала, о Родина святая,
Тебе вся дань восторженных похвал:
Ты увенчать сумела, дорогая,
Того, кто славой сам тебя венчал.

И мы, душою все соединяясь,
С молитвою стоим пред алтарем.
Перед твоим величием склоняясь,
Мы о поэте молимся твоём...

И я мольбе святой в восторге внемлю:
Настал наш день — какое торжество!
Да, ныне въявь спустилося на землю
Святых небес святое Божество!

ФРИДРИХ БАРБАРОССА

Легенда

Средь гор лесистых замка своды
Стоят угрюмо над рекой.
Там прошуметь не смеют воды,
Все полно мрачной тишиной.

Там ланей быстрых и пугливых
Не бродят робкие стада.
Туда толпою шаловливой
Не ходят девы никогда.

Там пролететь орел не смеет,
Там соловей гнезда не вьет,
И все покой и сон лелеет,
И все к безмолвию зовет.

И все полно очарованья:
Безмолвны дикие леса
И словно дремлет в ожиданьи
Пустынной местности краса.

Двор камнем вымошен. Бесследно пролетели
Над замком шесть веков в ущельи мрачном гор,
Лишь травы дикие, пробившись сквозь щели,
Постлали на земле узорный свой ковер.

Подъемный спущен мост, и грозные бойницы
Из башен вековых нахмурившись глядят,
И филинов и сов печальные станицы,
Как изваяния, на гребнях их сидят.

Открыта в замок дверь. Высокие покои
Хранят могильную глухую тишину.
Повсюду царствует безмолвие немое
И тайну бережет заветную одну.

На стенах каменных мечи, стальные латы
Да звонкие рога, заброшены, висят.
На мраморном столе остался шлем крылатый
И кубки бранные, покинуты, стоят.

И тут же, в крепком сне на стол облокотяся,
В доспехах золотых могучий рыцарь спит,
А борода его по стенам обвилася
И, как кудрявый плющ, вдоль комнаты скользит.

Он непробудно спит и много лет не встанет,
В сон заколдованный надолго погружен.
Но грозный день придет, ужасный час настанет,
От векового сна освободится он.

Когда враги толпою жадной
К родному Рейну прибегут
И полны злобы беспощадной
Огню селенья предадут,

Когда под гнет ярма суровый
Падет родимая страна, —
Тогда, наполнен мощью новой,
Воспрянет Фридрих ото сна.

И, затрубивши в рог свой медный,
Один пойдет на смертный бой,
И грозно свистнет меч победный
Над перепуганной толпой.

За честь поруганной отчизны
Народ на битву поведет

И, справив гибельную тризну,
Ко славе вечной отойдет.

ОСТРОВ ОДИССЕЯ

Я видел остров. Здесь, в былые годы,
Жил Одиссей, великий царь-мудрец.
Средь радостной невянущей природы
Его прекрасный высился дворец
И пышный сад. На мраморные своды,
Где поражал красой своей резец,
Плющ упал. В саду росли мимозы,
Пел соловей и расцветали розы.

Но все прошло... Склонилися угрюмо
Обломки стен, обвитые плющом.
Меж них ручей стремится с грустным шумом,
Орел сидит на камне гробовом.
Печальные все порождает думы...
Где ж жизни блеск, где вечной славы гром?
О них ручей живые точит слезы,
Нет соловья и увядают розы.

ВЕЧЕРОМ

Стою под яблоней цветущей
Среди безмолвной тишины.
Закат потух... Уж тьмой грядущей
Долины тихие полны.
Волнистый пар в полях клубится,
Жуки вечерние жужжат...
Стою, задумавшись, — и мнится,
Вернулось прошлое назад.

Как быстро годы пролетели
С неудержимой быстротой...
Давно ль здесь дни мои летели
Такою пестрой чередой?
Давно ль все также в час заката
Я одиноко здесь гулял
И, сладкой грустию объятый,
Ночь благодатную встречал?..

Давно ли, лежа у опушки,
За дальним облаком глядя,
Я слушал грустный крик кукушки
И стон и грохот (рочот? — М. Э.) соловья?..

Печальный зов совы унылой,
Рыдая, неся из лесов,
И странно тишину будила
Песнь запоздалых рыбаков.

И может быть, промчатся годы,
Мой прах в холодный гроб сойдет,
И уж другой певец природы
Сюда мечтать и петь придет.
И здесь вечернею порою
Припомнит прежние года
И путеводною звездой
Ему блеснет моя звезда...

МАЙСКИЙ ВЕЧЕР

Лежу в густой траве, усеянной цветами.
Закат горит огнем. Лесистыми горами
Долина тихая, как рамкой, стеснена.
Какой покой кругом, какая тишина!
Не тронется листок. Томительно и страстно
Рокочут соловьи... Кругом все так прекрасно:
Овраги и кусты росистые полны
Прохладой, свежестью и трепетом весны.

Заря едва горит... Над дремлющей горою
Столетние дубы, не шевеля листвою,
Как старцы важные, недвижимо стоят
И кротко с вышины на бренный мир глядят.
А соловьи журчат и стонут, замирая,
И грезы ясные на душу навевая...

Чу — выстрел раздался внезапно под горой.
Ударом громовым промчавшись за рекой,
Далеким ропотом замолкнул звук могучий.
Голубоватый дым повис прозрачной тучей,
Замолкли соловьи... Лишь далеко с полей
Донесся трубный клик пролетных журавлей
Да вспугнутый орел, едва взмахнув крылами,
Снялся и, покружив над древними дубами,
Спустился на гнездо. И снова тишина,
И снова соловьи рокочут — и, полна
Волшебной негою и прелестью свободы,
В сон погружается воскресшая природа.

ИОАНН ГРОЗНЫЙ

Окончен пир. За слободою
Погасла майская заря,

И все объято тишиною
В палатах Грозного царя.
Спокойно дремлет сад тенистый,
Широкий пруд заснул давно,
И только месяц серебристый
В резное смотрится окно.
Да соловей, не умолкая,
В саду рокошет и поет,
А звезды сыплются, мигая,
И месяц медленно плывет.

Лишь царь не спит. Тяжелой думой
Владыки сердце стеснено,
Лампады отблеском угрюмым
Его лицо озарено.
Орлиный нос, густые брови,
Тревожно сжатые уста...
Иль жаждет казней он и крови?
Иль ждет прощения Христа?..
Иль снова думы об измене,
О доле тягостной своей?..
Сильней в саду ложатся тени
И громче свищет соловей.
Царь встал. Он тихо в сад выходит.
Звеня узорчатым жезлом,
По каменным ступеням сходит,
Между дерев в раздумьи бродит
И долго думает... О чем?
Чтоб быть ему владыкой царства,
Судьей народу своему,
Сразить надменное боярство
И править Русью одному.
«Добра народу я желаю,
Его врагов уничтожаю,
Но кто видал — терзая их,
Как сердцем я скорблю о них.
Я человек, прости, о Боже,
Меня, злодея и раба.
Я слаб и немощен... За что же
На трон взвела меня судьба?..»

Так Грозный царь молился страстно,
Роняя слезы на песок.
А между тем каймою ясной
Уж озаряется восток.
Вот ветерок прошел, играя,
Чуть тронул сонные листы
И полетел, перебегая,
От пруда в сад, с кустов в кусты.
Листы черемухи цветущей
Царя порой, лаская, быют,

Лепечет ключ, в саду бегущий,
А соловьи поют, поют...
Певцы весны! сильнее пойте,
Пока не занялась заря,
И нежной песней успокойте
Тревогу Грозного царя.

В ДОРОГЕ

Мелькают ласточки, несутся облака,
И рожь шумит, как золотое море...
Родная Русь! О, как ты велика,
Как хорошо мне на родном просторе...

Твоих степей спокойная краса,
Твоих полей безбрежное раздолье,
Селения, дороги и леса —
Родимое, великое приволье!

Отрадно здесь на воле дышит грудь
И на душе спокойней и свежее...
Ведут коней... Пора в далекий путь.
Туда, в простор умчимся поскорее!

* * *

Вечна́, поэзия, вечна́,
Вечна́ как мир на тверди млечной,
Как он, гармонии полна,
Неизмеримой, бесконечной.

Как в мире сердцу говорит
Его незримое начало,
Так в звуках лиры и кимвала
Она душе восторг дарит.

СОНЕТ

Порой бывает лезть и в клевете обидной,
Есть унижение и в пышных похвалах,
Есть правда горькая и в самой лжи бесстыдной,
И есть величие в темнице и цепях.

Что язвы бедности? Что страх, что униженье,
Когда ты на сердце лелеешь вдохновенье
И как орел царишь над низменной толпой?
Не бойся стать смешным, не бойся стать отсталым,

Страшися изменить священным идеалам,
Страшися изменить поэзии святой.

ТРИ ДАРА

Три дара я небесных знаю,
Лишь ими жизнь моя полна.
Без них мы гибнем, увядая,
Без них земная жизнь мрачна.
 В них жизни смысл и откровенье,
 Они венец даров Творца,
 И счастье, радость и мученье
 Для вдохновенного певца.
И первый дар небес — искусство.
Дар драгоценный, дар святой.
Он возвышает ум и чувство
На поле жизни трудовой.
 Другой великий дар — природа,
 Ее равнины и леса,
 Степей могучая свобода,
 Морей безбрежная краса.
Последний дар — то дар бесценный,
То вечно юная любовь.
Одною ей во всей вселенной
Согрето сердце, ум и кровь.
 Любовь, искусство и природа —
 Вот жизни нашей торжество:
 В них наслаждение, свобода,
 И чистый труд, и божество!

НА РОДИНЕ

Вот уж и снова я здесь на родимых местах.
Въявь вы сбылися, мои дорогие мечты.
Тихие слезы невольно сверкают в очах.
Родина, родина! Как драгоценна нам ты!
 Мы в жизни все забыть готовы,
 Все, все уносит бремя лет;
 Но видим родину — и снова
 На сердце счастье и свет.
Как жадно я сюда стремился,
Чтоб поскорее увидеть
Леса, где мальчиком резвился,
Луга, где так любил играть.
 И вот — сбылась мечта родная,
 Я прилетел опять сюда
 И пред тобою воскрешаю
 Давно прошедшие года.

Но как все здесь переменялось скоро,
Сколько домов пожары унесли!
Дом постарел, крапива у забора,
В саду давно дорожки заросли.

Но луг все тот. По-прежнему пестреют
В траве цветы. По-прежнему, струясь,
Журчит река, прошедшее лелеет,
С ним создает невидимую связь.

На запад солнце сходит постепенно,
Вот потемнел прозрачный небосклон
И, полон грез и думы вдохновенной,
Я выхожу в раздумьи на балкон...

Как ночь тиха! Луна сияет ярко,
Мильоны звезд трепещут и дрожат,
И ветви лип, сплетясь воздушной аркой,
Как бы замороженные молчат.

Чу! Перелив пастушеской свирели
Вдруг задрожал в спокойной тишине,
И сладостно звучат и льются трели,
А месяц спит в лазурной вышине.

Знакомый звук! Его в былые годы
Здесь на заре я слушать так любил,
И он воспоминаний хороводы
В душе моей мгновенно пробудил.

И сладкие в очах сияют слезы,
А на душе так мирно и тепло...
О, как чисты полуночные грезы,
Как в небесах приветно и светло!

II. АВТОБИОГРАФИЯ

Несмотря на обширные «Записки»,¹ публикуемая лапидарная автобиография Б. А. Садовского безусловно представляет интерес. Судя по содержанию и местонахождению (РО ИРЛИ, ф. 115, архив А. А. Измайлова, оп. 5, № 62), она датируется условно 1912 г. (переезд Б. А. Садовского из Москвы в Петербург по приглашению Е. А. Ляцкого заведовать отделом беллетристики «Современника») или 1913/1914 г. («Критик А. А. Измайлов для *первого знакомства* позвал меня обедать».)² «Теперь я был признанный писатель с безукоризненным именем. Все редакции передо мной открылись. Я зарабатывал много».³ Действительно, к этому времени «в активе» Б. А. Садовского были сборники стихотворений «Позднее утро» (СПб., 1909), «Пять-

¹ Российский архив. М., 1991. С. 108—183.

² Там же. С. 169, 176. Курсив мой. — М. Э.

³ Там же. С. 172.

десять лебедей» (СПб., 1913), рассказов («Узор чугунный». М., 1911), статей («Русская Камена». М., 1910). Они перечислены в автобиографии, написанной для выдающегося петербургского коллекционера Эрнеста Петровича Юргенсона (1891—до 1932, Таллинн) и датированной днем личного посещения: «Был у Эрнеста Петровича Юргенсона, любовался превосходным его собранием. Борис Садовской. 27 января. СПб».⁴

В силу явных несовпадений с публикуемым ниже текстом воспроизвожу данную автобиографию полностью.

Борис Александрович Садовской родился в г. Ардатове Нижегородск<ой> губ<ернии> 10 февраля 1881 года.

Воспитывался в Нижегородском Дворянском институте императора Александра II и в Нижегородской гимназии. Учился в Московском университете на классическом отделении историко-филологического факультета.

Первое стихотворение «Иоанн Грозный» напечатано 6 января 1901 г. в нижегородской газете «Волгарь».

Печатал стихи, рассказы, статьи и рецензии в журналах «Весы», «Золотое руно», «Русская мысль» и во многих других изданиях.

Отдельно изданы 2 сборника стихов «Позднее утро» и «Пятьдесят лебедей», сборник статей «Русская Камена» и рассказов «Узор чугунный».

27 января 1913 г.
СПб.

Борис Садовской.⁵

Трудно сказать, почему Борис Садовской решил «исповедаться» видному литературному критику, поэту, прозанку, обозревателю «Биржевых ведомостей» (1898—1916) Александру Алексеевичу Измайлову (1873—1921).⁶ Во всяком случае, публикуемая автобиография содержит неизвестный ранее штрих к неповторимому портрету Бориса Садовского.

Я родился 10 февраля 1881 года в уездном городе Ардатове, Нижегородской губ<ернии>. Отец мой, Александр Яковлевич, более 30 лет служил по Министерству Двора и Уделов, в настоящее же время состоит председателем Нижегородской Архивной Комиссии; как [*зачеркнуто*: археолог] любитель старины и нумизмат, он пользуется некоторой известностью среди археологов и архивоведов: ему принадлежат печатные труды, касающиеся Смутного времени в Нижегородском крае.¹ Со стороны матери я прихожусь внуком участнику походов 1812—14 г., И. И. Голову, долгое время служившему потом на Кавказе под начальством героя Ермолова.² Род наш — коренной нижегородский, но, хотя точные сведения о нем восходят до 1750 года, особо выдающихся людей в нем не было.³

⁴ Российская национальная библиотека, ф. 124, № 3824, л. 3. Здесь же — письма Б. А. Садовского к Э. П. Юргенсону от 23 января и 5 февраля 1913 г. по поводу фотографий для себя и в коллекцию. Далее: РНБ.

⁵ РНБ, ф. 124, № 388.

⁶ См. вступительную статью М. М. Павловой к публикации переписки с ним Ф. Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 194—199).

Никаких воспитательных систем родители мои ко мне не применяли, и с самого раннего детства я во всем бывал всегда предоставлен самому себе. Грамота мне далась легко. В детстве я много читал, безо всякого разбора: любимыми моими писателями тогда были гр<аф> А. Толстой,⁴ позже Пушкин и Лермонтов. Но книжные знания никогда не перевешивали во мне склонности к непосредственным прозам жизни.

До 11-ти лет я жил почти безвыездно в деревне и лишь осенью 1892 года поступил во II класс нижегородского Дворянского института императора Александра II-го; из VI-го класса этого заведения я перешел в нижегородскую гимназию, которую кончил в 1902 году. И там, и тут я единодушно был ненавидим товарищами и нелюбим начальством, за что платил им полной взаимностью.⁵

Высшее образование получено мною в Московском университете, где с 1902 по 1910 год я учился на историко-филологическом факультете, но курса не окончил. В университете я держался в стороне от кружков и сходок, избегая и поныне принимать участие в каких бы то ни было публичных выступлениях. Объясняется это тем, что вид собравшейся толпы еще со школьной поры действует на меня удручающе: мне все кажется, что меня хотят к чему-то принудить.⁶

Литературная деятельность моя началась рано. Первые опыты относятся еще к 1890 году, когда мне было всего 9 лет. С тех пор я писал стихи без перерыва и заслужил известность школьного стихотворца, изрядно повредившую моим учебным успехам.⁷ В 1900 г. я был представлен великому князю Константину Константиновичу, посетившему Нижний Новгород, и рукопись моих стихов удостоилась внимания со стороны августейшего поэта; в особенности отрядно было мне это потому, что поэтическим восприимчиком [*зачеркнуто*: его императорского высочества был] великого князя являлся уже тогда обожаемый мною Фет.

В печати впервые я выступил 6 января 1901 г. в нижегородской газете «Волгарь» со стихотворением «Иоанн Грозный». Однако действительным началом моего литературного крещения следует считать 1904 год,⁸ когда по предложению В. Я. Брюсова я начал помещать критические заметки в московском ежемесячном <журнале> «Весы», оставшись близким сотрудником журнала до его закрытия в 1909 году. «Весам» и их строгой школе я многим обязан и время это считаю лучшей порою моей литературной юности.

Общее мое развитие протекало всегда, можно сказать, *sub specie aeternitatis*,⁹ ибо по природе оставаясь равнодушным к настоящему и не любопытствуя о будущем, я все свои помыслы направлял в прошедшее. Оттого умершие люди и сейчас для меня несравненно нужнее и интереснее живущих.

Борис Садовской.

¹ См.: Памяти Александра Яковлевича Садовского (1850—1926). Н. Новгород, 1928. 52 с., портр.

² Об Иване Ивановиче Голове (1796—1869) и его службе под началом Алексея Петровича Ермолова (1777—1861) см. в «Записках» Б. Садовского (Российский архив. М., 1991. Т. 1. С. 109—110).

³ Там же. С. 108—109.

⁴ Толстой Алексей Константинович (1817—1875) — поэт, исторический прозаик и драматург; в «Записках» не фигурирует.

⁵ Ср. преамбулу к публикации «Стихотворений».

⁶ Ср. «Записки». С. 158—169.

⁷ Ср. преамбулу к «Стихотворениям».

⁸ В действительности в течение 1901—весны 1902 г. Б. А. Садовский много печатался в газете «Волгарь» (только стихи). Сборник «Позднее утро» содержит стихи 1904—1908 гг.

⁹ С точки зрения вечности (*лат.*); выражение великого нидерландского философа Баруха Спинозы (1632—1677), употребленное в «Этике».